

MISCELLANEA

УДК 396.22

DOI: 10.17223/2312461X/16/7

АПРОПРИАЦИЯ ДИСКУРСОВ И ПРАКТИК: ЖЕНСКАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ РОССИИ В ГРЕЦИЮ (1990-е и 2000-е гг.)

Александр Николаевич Мануйлов

Аннотация. В статье рассматриваются трансформации в идентичности женщин как результат их миграции из России в Грецию и апроприация греческости. Концепт «апроприация» выдвигается в качестве ключевого в анализе и интерпретации мигрантского опыта. Позиция автора в отношении релевантности концепта «апроприация» основывается на понимании Полем Рикёром процесса интерпретации, а также на некоторых современных антропологических работах. В статье, сконцентрированной на двух историях миграции, представлены результаты полевых исследований автора в Греции. Эти истории сопоставляются с целью сравнения различных техник апроприации. В ходе обсуждения становится очевидным, каким образом идентичности могут манифестироваться и изменяться в ходе процесса апроприации. Аргумент автора состоит в том, что апроприация греческости может происходить (и использоваться) контрастными путями, причины чего укоренены в домигрантском опыте. Сделан вывод о том, что в одном случае в результате апроприации была принята греческая (сельская) идентичность, в другом – апроприация и ре-апроприация (городской) греческости дали эффект конструирования глобальной идентичности.

Ключевые слова: апроприация, ре-апроприация, идентичность, миграция, Греция, Россия

С тех пор как Мишель Фуко возобновил рассмотрение понятия биополитики, придав ему новые интеллектуальные импульсы, сформировались целые научные направления постфуколдианского анализа этого явления. Сам Фуко не оставил нам «теории биополитики». Следуя за изменениями, произошедшими в Европе XVII–XVIII вв., Фуко демонстрирует два полюса «власти над жизнью» (*pouvoir sur la vie*): один из них концентрируется на дисциплине тела, он относится к XVII в. и назван Фуко «анатомо-политикой [в отношении] человеческого тела» (*anatomo-politique du corps humain*), второй полюс, относящийся к середине XVIII в., сконцентрирован на регулятивном контроле за телом человеческого вида (*corps-espèce*) и назван Фуко «биополитикой [в отношении] населения» (*une bio-politique de la population*) (Foucault 1976:

183). Связав биополитику с ее объектом – населением, Фуко создал разметку для исследований форм государственного управления. Привнесение биологических категорий в среду социального, видимо, является неотъемлемой частью того поля, которое описывает биополитика. Посредством биополитики государство регулирует и контролирует свое население, не проявляя интереса к субъективности, отдельным случаям и частным историям. Такие концепты, как «гомогенизация», «натурализация», «ассимиляция» и даже «миграция», имеют естественнонаучные коннотации. Все они являются элементами государственных дискурсов о населении, но не дискурсов людей, рассказывающих о своем опыте.

Меня же в ходе моих полевых исследований в Греции в 2009–2011 гг. интересовали представления именно людей, людей, переживших миграцию из России в Грецию. И вышеупомянутые концепты никак не могли обогатить мой инструментарий для изучения их опыта, поскольку концепты эти есть продукты государственных дискурсов и соотнесены с ними. Поиски релевантного понятия, которое бы служило объяснительной моделью восприятия бывшими российскими гражданами греческих дискурсов и практик, привели меня к антропологической литературе, оперирующей термином «апроприация». В июне 2010 г. на ежегодном семинаре «Newer Anthropological Theory» в Университете Осло, где я докладывал об итогах моей работы по изучению дискурсов об идентичности греков-мигрантов, Арнд Шнайдер представил свою книгу об апроприации (Schneider 2006). Мне идея апроприации показалась важной для объяснения того, как мигранты воспринимают и принимают или отторгают элементы повседневности греческого общества, в котором они живут и постепенно все более его узнают. Брюс Капферер, руководивший семинаром, посоветовал мне попробовать применить концепт апроприации в изучении идентичности мигрантов как альтернативу государственному взгляду на мигрантов и миграцию.

Данная статья представляет собой попытку применения концепта «апроприация» к анализу двух женских историй миграции из России в Грецию. Сравнение этих историй дает свидетельства того, как идентичности могут быть манифестированы и изменены в ходе процесса апроприации. Я уже показывал, что миграция без капиталов (за исключением символического) – весьма распространенная форма миграции для выходцев из бывшего Советского Союза (Manuylov 2015); и представленные в данной статье женские истории являются свидетельствами именно такой миграции. Героини историй похожи: обе они – выходцы из России, примерно одного возраста, обе приняли решение уехать в Грецию и были успешны, каждая по-своему, в апроприации греческости. Различия же между ними весьма значительны: социальное

и этническое происхождение, отношение к семье, религии, карьере, горизонты общения, техники апроприации.

Основным аргументом настоящей статьи является то, что апроприация греческости, или греческой идентичности, может происходить и использоваться контрастирующими путями, причины чего коренятся в домигрантском опыте. Таким образом, цель статьи – показать, что происходит в ходе индивидуальной женской миграции с идентичностью¹, какие ее элементы являются неизменными, а какие формируются в процессе апроприации. Для достижения этой цели передо мной стоят следующие задачи: 1) обсудить возможность и релевантность применения концепта «апроприация» в изучении миграции; 2) кратко представить полевой материал, характеризующий две женские истории миграции, собранный мною в Греции в период с 2009 по 2011 г.²; проанализировать и позволить себе некоторую интерпретацию мигрантских историй; 3) сравнить две истории миграции с точки зрения техник апроприации; 4) продемонстрировать и дать оценку изменениям идентичности на примере этих двух историй. Основной проблемой, на решение которой нацелена данная статья, является неизученность либо очень слабая изученность трансформации идентичности в ходе миграции. Я стремлюсь восполнить этот пробел, опираясь на полевые данные, их анализ и интерпретацию.

Одним из источников для упомянутой работы Шнайдера в его формулировании апроприации послужила книга Поля Рикёра «Герменевтика и гуманитарные науки: эссе о языке, действии и интерпретации» (Ricoeur 2016 [1981]). Поэтому я вкратце остановлюсь на основных положениях теории Рикёра.

Рикёр, конечно, говорил не о мигрантах. Его интерес был сконцентрирован на восприятии текста читателем. Но кто есть (в семиотическом плане) вновь прибывший из России мигрант, как не читатель, читатель неизвестного ему текста под названием Греция? Рикёр говорит о том, что читатель апроприирует *значение* текста, и это есть «кульминация чтения в конкретном читателе» (144). Он рассматривает проблему интерпретации текста читателем как игру отношений дистанцирования и апроприации, заимствуя концепт игры у Гадамера. При этом Рикёр понимает чтение очень широко: как знакомство с вновь открываемым миром:

Если верно то, что интерпретация имеет существенное отношение к интенсивной работе по открыванию мира, тогда отношение читателя к тексту – это, по существу, его отношение к тому миру, который представляет текст (Ibid.).

Рикёр, таким образом, отождествляет мир и текст и ставит в один ряд понятия открывания мира, интерпретации и апроприации. В качестве оппозиции апроприации Рикёр предлагает термин «дистанцирова-

ние», который понимает как концепт, «связанный с любым объективным либо объективирующим исследованием текста» (145). По замыслу Рикёра, объективация мира-текста выражена в процессе дистанцирования, характерном, на мой взгляд, для биополитики государства; в то время как субъективное восприятие и понимание мира-текста выражены в процессе апроприации, недоступном для объективирующих дискурсов государства, но доступном для людей, способных к пониманию / чтению. Таким образом, апроприация является оппозицией не только для дистанцирования, но и для биополитики. Рикёр отмечает, что апроприация, помимо всего прочего, «дает субъекту новые способности познать себя» (154); и это замечание чрезвычайно важно для моей миграционной перспективы. Мигрант оказывается в другой стране, часто не понимает язык этой страны, сталкивается с незнакомым поведением, с иным пониманием приватности и публичности, иногда с агрессией и криминалом, ему или ей предстоит решить множество проблем, связанных с оформлением всех необходимых документов, поиском работы и пр. И все же, как говорит один мой знакомый, перебравшийся с семьей из России в Канаду: «Миграция дает тебе еще один шанс, шанс стать кем-то, кем ты уже не сможешь стать в своей родной стране. И этот шанс нужно использовать». Понимание апроприации как восприятия нового мира и одновременно новой способности и возможности работы над собой, и в итоге как формирования новой идентичности, наилучшим образом соответствует моим задачам и цели. Рикёр отмечает:

«Апроприация» – это мой перевод немецкого термина *Aneignung*. *Aneignen* значит 'делать своим собственным' то, что первоначально являлось «чужим»... Апроприация – это концепт, подходящий для актуализации значения как оно адресовано кому бы то ни было. Оно занимает место ответа в диалогической ситуации... (147).

В настоящее время «апроприация» как термин, используемый для описания процессов социального и культурного взаимодействия, имеет широкое распространение (Thomas 1991; Lattas 1998; Coleman 2005; Young 2010)³. Концепция апроприации Шнайдера (Schneider 2006) разработана им по результатам анализа артполя Буэнос-Айреса, связывающего воедино индигенные и европейские идеи. Процесс апроприации основан на игре в идентичность в артполе. Предложенная Рикёром идея апроприации и ее герменевтическая перспектива позволили Шнайдеру рассматривать глобализацию и культуральные процессы с позиций индивидуальных акторов, основной же его целью явилось обсуждение пересечений процессов коллективного и индивидуального конструирования идентичности (33, 169–170).

...Апроприация, в ее формальном смысле, означает изъятие из одного контекста и помещение в другой; кроме того, в расширенном значении, которое я здесь поддерживаю, апроприация при-

нимается в качестве герменевтической процедуры, дающей основания полагать не только то, что элементы культуры получают новые значения, но также и то, что трансформируются те, кто [вовлечен в процесс] апроприации, и в итоге [они] конструируют и принимают новые идентичности (29).

Шнайдер, таким образом, увязывает тему апроприации с темой новых идентичностей, и это исключительно важно для моего исследования, так как показывает разницу в позициях государства, видящего картину постепенной гомогенизации населения в связи с натурализацией мигрантов (или, по крайней мере, имеющего позицию видеть гомогенизацию), и мигранта, апроприирующего новую жизнь, становящегося «таким, каким еще не бывал» и принимающего новые идентичности. Для человека этот процесс – открытие мира и изменение себя (впрочем, не всегда успешное и не всегда происходящее в направлении, приемлемом для государства), для государства тот же процесс в лучшем случае выглядит как гомогенизация, в худшем – как формирование новых этнических и социальных групп со своими правилами, границами, политическими интересами.

Не менее привлекательна концепция апроприации Рожера Санси. Он изучает апроприацию в рамках истории кандомблэ, системы афро-бразильского колдовства в ее современных трансформациях. Он задается вопросом, каким образом запрещенные до середины XX в. магические практики кандомбле становятся «культурой» и даже «национальным достоянием» Бразилии (Sansi 2007: 2). Этот процесс, по мнению Санси, был вызван «исторической трансформацией практик, ценностей и дискурсов» (3). Бразильские интеллектуалы объективировали кандомбле в качестве афро-бразильской культуры, но это не было реификацией, так как объективация интеллектуалов была поддержана и апроприрована приверженцами кандомбле, которые «приняли дискурсы и практики афро-бразильской культуры как свои собственные» (Ibid.). Санси показывает три стадии этой большой трансформации: объективацию, апроприацию и ре-апроприацию (главы 2, 3, 8 и 9). Он поясняет это следующим образом:

Я использую «объективацию», чтобы описать процессы, в которых вещи, персоны и места распознаются как носители особенных и разных форм ценностей или качеств. Это понятие объективации всегда взаимосвязано с дополняющим его термином – апроприация, обозначающим процесс, благодаря которому чужое становится знакомым, становится частью своего [self] (4).

Санси сравнивает ситуацию в Бразилии с описанием апроприации в Океании, предпринятым Николасом Томасом (Thomas 1991), который демонстрирует параметры «индигенной апроприации европейских вещей» (83–124) и обратного процесса: «европейской апроприации индигенных вещей» (125–184). И если Томас показывает, как местное насе-

ление и пришлые европейцы апроприируют культуры друг друга (хотя и не симметрично), Санси не останавливается на вопросе взаимной апроприации, а идет дальше и демонстрирует, что две стороны обмена «во многом стали одним целым» (Sansi 2007: 4). Чтобы объяснить это, Санси вводит понятие ре-апроприации; он полагает, что посредством ре-апроприации люди

преодолевают и (невольно) сводят на нет и официальные, и критические дискурсы... Они создают свою собственную историю вокруг объектов... Они осуществляют нечто большее, чем простое «сопротивление», так как они не осознают свое сопротивление официальной интерпретации; они производят нечто большее, нечто новое, вписываемое в пространство и время (178).

В случае с Бразилией (Баия) объектом интереса являются дискурсы и практики наследников выходцев из Африки; в случае с Аргентиной – наследников индигенного (индейского) населения страны. Оба автора рассматривают в качестве субъектов апроприации персон или индивидуальных акторов, способность которых к апроприации определяет и их идентичность. Как отмечает Шнайдер, практики апроприации «тесно связаны со спорной областью конструирования идентичности» (Schneider 2006: 22).

Возвращаясь к греческой теме, следует отметить, что для экс-советских греков в 1990–2000-е гг. семейная миграция была наиболее характерна⁴. Греческие репатрианты уезжали всей семьей одновременно либо оставляли одного-двух человек для продажи оставшегося имущества и бизнеса. Индивидуальная миграция была редким явлением. На мой взгляд, в основе этого лежат две причины.

Первая причина в том, что семейные связи в СССР всегда были объектом конструирования и усиленной поддержки со стороны государства. Что касается советских греков, они по собственному опыту знали, что такое «семейный принцип», в соответствии с которым их семьи были подвергнуты насильственным переселениям и репрессиям в 1930–1950-е гг. Кроме того, для тех, кто принимал решение уехать в Грецию из постсоветских стран, существовали три наиболее распространенных источника формирования миграционного финансового капитала: недвижимость (которая рассматривалась греческими семьями с точки зрения их обычного права как совместная, семейная), частные бизнес-активы (которые также всегда рассматривались греками как семейные) и сбережения⁵. Многие из тех, кто уезжал, конвертировали всю собственность в финансовый капитал, другие, напротив, всячески старались сохранить собственность в России и других странах, не спешили «сжигать мосты». Выручаемые от продажи деньги и сбережения, как правило, тратились в Греции на аренду или покупку жилья⁶. Таким образом, семейные связи выступали своего рода гарантией стабильности в ходе миграции и начальной апроприации для экс-советских греков.

Второй причиной является то, что греческие семьи, выказавшие в советский период тенденцию к фрагментации⁷, сумели сохранить устойчивые связи среди своих членов и между родственными семьями благодаря иноэтничному окружению, в которое они попадали в ходе насильственных переселений и репрессий. Семейные связи оставались устойчивыми даже в случаях, когда молодые члены семьи уезжали в другие города на заработки или с целью учебы.

Независимая женская миграция из экс-советских стран в Европу, так называемое пост-коммунистическое перемещение (*post-communist transition*), рассматривается как одно из новых для Европы после падения Берлинской стены явлений (*post-wall phenomenon*) и характеризуется дополнительными возможностями для женщин, «стремящихся повернуться лицом к новым рыночным условиям или избежать воздействия доминирующих дискурсов националистических проектов в их странах» (Morokvasic 2004: 8).

Анна и Ирина: жизнь в России

Анна П. не замужем, живет в Афинах и работает в страховой компании. Родилась в СССР в 1971 г. в городе Ессентуки. Анна так описывает свою жизнь в России:

Ну, что было в России? Я выросла в нормальной семье. Папа был капитаном дальнего плавания, мама врачом. В какой-то момент, я думаю, мне было около пятнадцати, он бросил свою работу и устроился на мясокомбинат. Он был инженером по образованию, поэтому. В школе я хорошо училась и закончила ее с золотой медалью. Я родилась в Ессентуках, Кавказские Минеральные Воды. Там я училась, закончила музыкальную школу. В принципе, это была классическая советская семья, интеллигенция. Ну, папа получал, конечно, больше, чем мама. Мама была врачом, в советское время это была, конечно, престижная профессия, но получала она мало. В семье была очень добрая атмосфера.

Я училась хорошо и затем поступила в Фармацевтический институт в Пятигорске. Потом началась перестройка, перед окончанием института началась перестройка...

В этом и других фрагментах воспоминаний о своей семье Анна с теплотой говорит о жизни с родителями, используя такие выражения, как «классическая советская семья», «добрая атмосфера», «интеллигентность», и на этом фоне она демонстрирует свои успехи в образовании. В семье Анны вопрос об этничности не был существенным. Семья имела довольно слабые контакты с родственниками по материнской линии – греками, и после смерти матери Анны от рака в 1992 г. эти связи вообще прервались. В то же время дискурс об интеллигентности был для нее все еще важен в Греции в период наших встреч в 2009–2010 гг. и составлял, таким образом, существенный элемент ее идентичности.

Во время учебы в институте Анна сдала тест и была приглашена на работу в западную фармацевтическую компанию в Москву. Диплом она получила в 1993 г. и сразу же переехала в Москву, где начала работу в этой компании. Одновременно она поступила в аспирантуру, где со временем защитила кандидатскую диссертацию. В фармацевтической компании Анна проработала вплоть до своего отъезда в Грецию в 1999 г. Говоря о московском периоде своей жизни, Анна стремилась подчеркнуть, что она, провинциальная девушка, смогла сделать карьеру в Москве и сохранить свое место даже в турбулентный постперестроенный период. Успех, независимость и удача – ключевые категории ее рассказов о московском периоде своей жизни.

Решение Анны уехать в Грецию осталось мною так до конца и не понятным. С одной стороны, Анна имела хорошую работу и достаточно зарабатывала; с другой – она характеризовала ситуацию в стране как неустойчивую, с размытыми перспективами. Я как-то спросил ее напрямую: «Почему ты уехала из России?» Она ответила: «Хотелось чего-то нового. Хотелось понять, смогу ли я выжить в другой стране».

Это был такой период, когда я должна была принять решение, потому что в целом ситуация была сложной. Москва – жесткий город. Я думала о том, как и что я буду делать... В принципе, у меня были греческие корни. И, по крайней мере, у меня была возможность – я так думала – законно эмигрировать.

Отец Анны поддержал ее решение, более того, ее младшая сестра тоже изъявила желание уехать в Грецию, и они вместе стали готовить документы. Финансовое состояние Анны в то время также осталось не совсем для меня ясным: Анна приехала в Афины на автобусе, самом дешевом виде транспорта для подобных путешествий, располагая только пятьюстами долларов, которые дал ей отец. В то же время она не имела каких-либо собственных сбережений.

Когда Анна решила уехать, некая Мария, юрист и сотрудник местной организации греков, готовившая для Анны документы в греческое консульство, сослужила ей «великую службу». В ходе наших разговоров Анна вспоминала Марию неоднократно и всегда с теплотой и благодарностью. Интересно, что сестра покойной матери Анны работала в то время в паспортно-визовой службе, готовила документы для греков-репатриантов, однако она не оказала никакой помощи Анне, и когда узнала о том, что Анна готовит документы, скептически отнеслась к ее перспективе получить греческое гражданство. В свою очередь Мария подсказала Анне сменить свидетельство о рождении, где фигурировала национальность – русская, на новое с формулировкой «гречанка», чтобы отправиться в Грецию как гречанка и репатриант и не использовать туристическую визу для въезда. Анна, не понимая на тот момент различий в статусе, доверилась Марии, хотя этот путь был не самым де-

шевым – около 500 долларов, и сделала все, как она рекомендовала. Отец финансировал смену свидетельств о рождении и паспортов для обеих дочерей, так как Мария настаивала на том, что в Грецию надо ехать «не как туристка, а как дочь гречанки, и не просто как дочь, а чтобы и сама была гречанкой».

Все-таки судьба существует, наверно, – говорит Анна. – Мария советовала взять с собой свидетельство о рождении матери, а я взяла даже бабушкино, чтобы подтвердить, что они были греки. Мария же подсказала мне перевести эти свидетельства на греческий сразу, как только приеду. Я ей так благодарна!

Таким образом, Анна благодаря Марии значительно упростила себе процедуру получения греческого гражданства.

С начала массовой репатриации греков из России появились регулярные автобусные рейсы из разных городов России в Грецию. Одним из таких рейсов был тот, на котором Анна отправилась из Пятигорска в Афины. Маршрут автобуса пролегал через территорию Украины, Молдовы, Румынии и Болгарии. Требовались дополнительные визы. Кроме того, ситуация на таможенных постах, а их необходимо было преодолеть десять, всегда характеризовалась очередями и задержками в связи с досмотром. Наиболее эмоциональны воспоминания Анны как раз об этом автобусном путешествии.

Итак, Анна к моменту своего отъезда из России сформировалась как успешная женщина. Ее идентичность строилась на интеллигентности, этнической индифферентности (о чем говорит не только советский школьный интернационализм, но и невнимание к греческим диаспоральным делам⁸). Анна всерьез занималась своей карьерой, поэтому переехала в Москву и защитила там диссертацию, следовательно, карьерный рост – тоже элемент ее идентичности. К этому же дискурсу об идентичности можно отнести и «престижную профессию» матери, и школьную золотую медаль, и музыкальное образование. При совершенно условном финансовом капитале Анна имела значительный символический капитал. Вероятно, неопределенность и нестабильность постперестроечной России не позволяли Анне реализовывать свою идентичность, развивать карьеру, демонстрировать успех и интеллигентность, что может хотя бы отчасти служить объяснением ее отъезда.

Ирина Б. (1974 г.р.), замужем; на момент нашего знакомства у нее было девять детей и жила она в деревне недалеко от города Пиргос на Пелопоннесе. Она была домохозяйкой, однако брала на дом работу по пошиву занавесок для отелей в Патре. Воспоминания Ирины о ее жизни в СССР имеют несколько иную перспективу, чем воспоминания Анны. Родилась Ирина в Средней Азии, где и провела большую часть своего детства; там она жила с родителями в военном городке. Отец ее был офицером, мать домохозяйкой. Также у нее были старшая сестра и

младший брат. Начав учиться в школе, она вскоре стала лучшей ученицей в классе. Когда ей исполнилось тринадцать, отец Ирины получил новое назначение – в военную часть в Майкопе. Семье дали небольшой дом с участком на хуторе Предгорный близ Майкопа. С этого момента воспоминания Ирины становятся беспорядочными и противоречивыми. Неизвестно, что стало с ее отцом, но его фигура просто исчезает из ее рассказов. В Предгорном мать Ирины начинает быстро спиваться, как и ее сестра. Позднее и младший брат «превратился в алкоголика». Успеваемость Ирины в школе становилась все хуже и хуже. «Скатилась на двойки», – как она говорит. Так что она едва смогла закончить девять классов. После школы Ирина поступает в ПТУ в Майкопе и получает профессию швеи. В хуторе, где жила Ирина, и по сей день проживает множество греческих семей, в основном выходцев из Цалки, имевших тесные связи с Грецией. От них Ирина узнала об интенсивной миграции из России в Грецию.

Вскоре после окончания ПТУ она вышла замуж и в семнадцатилетнем возрасте родила первого сына. Еще до рождения сына ее муж оказался замешанным в грабеже и получил тюремный срок. Когда сыну исполнился год, Ирина оставила его на мать и отправилась в Грецию, где вместе с другими молодыми женщинами из России должна была работать на швейной фабрике в Патре. Она заключила этот контракт еще в России, в Новороссийске, благодаря своим греческим связям. Однако, прибыв в Грецию, она поняла, что будет работать в ночном клубе то ли как официантка, то ли как танцовщица.

Рассказывая о жизни своей семьи в Майкопе, Ирина не сообщала никаких подробностей. Почти ничего она не рассказывала о свотх брате, сестре или муже, а если и упоминала их, то всегда в негативном контексте. Единственный вопрос, интересовавший ее в России, – это тяжба с сестрой за наследство, оставшееся после смерти матери и брата. До отъезда из России она нигде не работала и не знала греческий язык.

Тем не менее Ирина сохраняла позитивное отношение к России и дала всем детям двойное гражданство. Я спросил ее как-то: «Зачем ты дала им российское гражданство?» Она ответила: «Чтобы они могли поехать на мою родину». Здесь необходимо упомянуть обстоятельства нашего знакомства и более чем месячного присутствия меня и моей семьи в домовладении Таноса. Когда Ирина жила в России, она дружила с моей двоюродной сестрой, которая помогала ей в различных бюрократических делах. Я познакомился с Ириной сначала по телефону. Она согласилась принять меня вместе с семьей, но попросила представиться ее двоюродным братом, с которым она не виделась долгое время. Я согласился. Таким образом я стал двоюродным братом Ирины не только для ее греческих родственников, но и для друзей, с которыми я встре-

чался благодаря ей. Танос и его родители мало что знали о российских родственниках Ирины, никто из них никогда не был в России, поэтому для нее не составило труда представить меня в качестве своего двоюродного брата. Таким образом, нас приняли как дальних родственников и поселили в небольшом, недавно построенном доме на территории домовладения, где жили четверо из их сыновей (которых временно оттуда выселили). Ирина объяснила эту мистификацию тем, что ее греческая семья никогда бы не приняла посторонних людей в качестве гостей и, кроме того, ей было бы трудно объяснить, кто мы и зачем едем к ним. Другая причина этого стала очевидна для меня лишь несколько позже, когда мы уже жили в их деревне. Представляя нас своими родственниками, она могла продемонстрировать, что она не одинока и что ее двоюродный брат и его жена – «приличные люди», и поднять таким образом свой статус в семье (особенно по отношению к младшей невестке родителей мужа – см. о ней ниже).

Таким образом, Ирина к своему отъезду в Грецию не имела практически никакого символического капитала, разве что умение шить, которое она использовала даже в дни нашего пребывания в ее семье, а также знакомство с сельскохозяйственным трудом. Немногие известные нам обстоятельства ее жизни в России свидетельствуют о том, что идентичность Ирины если и имела какие-то важные параметры, то вероятнее всего – это осколки государственных дискурсов: принадлежность к русским, которую она не слишком манифестирует (видимо, самым серьезным аргументом в пользу ее русскости для ее нынешней семьи было наше появление в качестве родственников) и даже не стремится обучать детей русскому языку; любовь к родине – России, при том что родилась и выросла она в Средней Азии, а затем переехала в Адыгею. Все, что касается ее семьи в России, сейчас представляется как преодоленный опыт, как негатив, от которого она строит новый апроприированный ею греческий мир (см. ниже об антиидентичности). Ирине нечего было взять с собой в Грецию, кроме скудного символического капитала (который, впрочем, сыграл существенную роль в ее технике апроприации греческости). Она не раз говорила, что ее всему научил Танос, ее муж, имея в виду земледелие и скотоводство, но также и местные правила жизни, а это значит, что она полностью отрицает свой российский опыт и его пригодность в Греции.

Первый опыт жизни в Греции

Анна помнит в мельчайших деталях свои первые дни в Греции. Она приехала в Афины ночью на автобусе. Одна из попутчиц посоветовала ей остановиться в отеле в Омонии (один из центральных районов Афин). Поэтому, сойдя с автобуса, Анна взяла такси и заплатила води-

телю внушительную сумму, за которую, как она говорит, «можно было бы несколько раз объехать все Афины». Добравшись до Омонии, находившейся в пяти минутах езды от остановки ее автобуса, Анна вышла из машины и услышала русскую речь в одном из баров. Она зашла в бар и поинтересовалась, где можно остановиться на ночь.

Хотя Анна до поездки в Грецию несколько раз была за рубежом и имела некоторое представление о том, как устроена жизнь в Греции, она не знала, что Омония был в то время одним из самых неблагополучных районов Афин. Несмотря на то что у нее были родственники в Греции, она не имела ни их адресов, ни номеров телефонов из-за плохих отношений с семьей матери. Все, что у нее было, – номер телефона кухни подруги ее сестры армянского происхождения, уже проживавшей несколько лет в Афинах. Но Анна решила не беспокоить ее ночью и попытаться найти ночлег самостоятельно. В том баре, куда она зашла, выйдя из такси, некий Жора из Грузии пообещал ей комфортабельный ночлег и отвел на квартиру. Войдя в квартиру, Анна обнаружила там пять спящих мужчин. «Я была в полном шоке», – говорит Анна. Наутро один из мужчин познакомился с Анной и уступил ей свою комнату, пока она не найдет, где ей остановиться. Мужчина оказался земляком Анны. Еще он посоветовал ей как можно скорее покинуть Жорину квартиру: «Это место не для вас», – добавил он. Однако Анна весь следующий день не могла дозвониться по единственному известному ей номеру, а Жора со своим другом сопровождал ее весь день, наблюдая за ее поведением. Бродя по Омонии, Анна удивлялась: «Господи! Неужели это правда Греция?! Неужели это правда центр города?! Обычно центральные районы – это престижные, ярко освещенные места, но это место выглядело, как притон». Наконец ее армянская знакомая откликнулась и отправила мужа на машине, чтобы забрать Анну и ее багаж.

История Анны представлена ею как череда удач и везений, и в то же время она ясно демонстрирует свою способность принимать решения, стремление изменить жизнь к лучшему. Ее единственная знакомая в Греции через бюро трудоустройства нашла ей место няни, так что на третий день жизни в Афинах Анна получила работу, включающую проживание и питание в семье. А семья оказалась весьма состоятельной. Анна работала не только как нянька, но и как домработница. В рассказах об этом периоде жизни в Афинах у Анны проявляется ее интеллигентская идентичность. Например, она говорит о том, как ее хозяева были изумлены ее способностью пользоваться приборами за столом, как они восторгались ее умением играть на пианино, как хозяин год спустя, когда он уже прощался с Анной, сказал, что, конечно, Анне нужна совсем другая работа, т.е. работа, которая удовлетворяла бы ее интеллектуальные запросы.

Эта семья, по словам Анны, существенно ей помогла. В течение года работы няней она овладела новогреческим благодаря внутрисемейной коммуникации и курсам греческого языка, куда она ходила с согласия хозяев. Таким образом, когда ей пришлось заполнять документы на получение греческого гражданства, она смогла своими словами описать историю своей семьи (семьи матери). Ее работодатели выступили гарантами при подачи Анной документов на греческое гражданство и предоставили свой адрес в качестве места ее регистрации в Греции. Более того, хозяйка нашла работу и для сестры Анны, которая прибыла в Грецию несколько позже. Хозяйка Анны устроила ее ухаживать за своей престарелой матерью. До настоящего времени Анна сохраняет с этой семьей дружеские отношения и навещает их по праздникам.

Когда Анна освоила греческий язык и получила гражданство, она решила искать работу по специальности (фармацевт) и отправила свой диплом для подтверждения в Центр признания дипломов иностранных университетов. Пока Анна ожидала подтверждения диплома, она сумела найти работу в небольшой частной аптеке на севере Афин. После года работы в этой аптеке, благодаря ее опыту и усилиям, доход хозяйки аптеки вырос в пять раз. Анна познакомилась со многими окрестными жителями, и это помогло ей без труда найти недорогую квартиру рядом с аптекой. В этой квартире она прожила семь лет. Анна снова и снова повторяет, что, пока она работала няней и провизором в небольшой аптеке, она не думала о размере своей зарплаты: «Есть какие-то деньги – и хорошо!» – говорит она. Всю энергию она направляла на изучение греческого языка, налаживание социальных связей, получение полного статуса гражданки Греции и подтверждение диплома. Когда она получила подтверждающие документы о фармацевтическом образовании, в достаточной степени овладела греческим и получила опыт работы по своей специальности, она решила перейти в другую аптеку, где вопрос зарплаты для нее уже стоял на первом месте. По ее собственной оценке, это был переломный момент в ее греческой биографии, завершивший процесс «открытия» Греции, а также процесс изменения себя для жизни в этой стране.

До отъезда из России у Анны был друг Марк, который мигрировал в Израиль в то же время, что и Анна. Они поддерживали связь друг с другом, и когда Анна получила гражданство, она решила навестить Марка в Израиле с намерением выйти за него замуж и остаться там жить. Свадебную церемонию они собирались устроить на Кипре. Однако, пробыв в Израиле месяц, Анна поняла, что миграция изменила и ее, и Марка. Они расстались, хотя продолжают поддерживать дружеские отношения. Говоря о Марке, Анна сравнивает свой и его миграционный опыт. Она считает, что государство Израиль заботится о своих репатриантах в гораздо большей степени, чем Греция. Так, проведя год в

Израиле, Марк уже работал одним из директоров крупной организации. Другими словами, он не растерял свой символический капитал, заработанный в России, не потерял время, необходимое для интеграции в новое общество. Как мы знаем, греческая репатриация приводит чаще всего к потере социального статуса и утрате навыков, необходимых в работе («declassing and deskilling», как отмечает Вутира) (Voutira 2004: 538).

Апроприация греческости для Анны началась в исключительно благоприятных условиях (по сравнению с Ириной и другими известными мне выходцами из России). На поиски источника существования и жилья у нее ушло три дня, а на возвращение в профессию – всего лишь год. Первый период жизни в Греции и упомянутые обстоятельства, которые сама Анна называет то везением, то судьбой, демонстрируют, что она не отказалась от значимых для себя элементов идентичности, даже профессиональная идентичность не пострадала. В то же время Анна не тяготится переходом «на греческие нравы», она использует гомологичность, эквивалентность социальных полей и легко осваивается на новых местах (на первом месте работы ей помогала ее интеллигентность, на втором – профессионализм, т.е. те символические капиталы, которые она приобрела еще в России и которые оказались востребованными и в Греции). Использование греческого происхождения матери, т.е. своего этнического символического капитала, обеспечило Анне получение греческого гражданства без особых проблем. Что можно отнести к сложностям апроприации, так это язык и бюрократические процедуры признания иностранных дипломов и прочих документов. Но и здесь у Анны все сложилось благополучно. Язык она освоила довольно быстро, так же быстро получила диплом. Многие греки-мигранты из России жаловались на свое плохое знание новогреческого, объясняя это тем, что из-за работы им просто не хватало ни времени, ни сил ходить на языковые курсы, а если они все-таки приходили на занятие, то от усталости засыпали⁹. Что же касается подтверждения дипломов, один мой знакомый, мигрант из Грузии, ожидал подтверждения своего диплома математика в течение 15 лет, после чего ему предложили сдать восемь квалификационных экзаменов; он отказался (см.: Manuylov 2015: 137–155). Благодаря тому, что Анна получила подтверждение своего образования, она смогла найти работу по специальности и, соответственно, использовать собственный образовательный капитал для доступа в фармацевтическое поле. Техника апроприации, которую демонстрирует Анна, позволила ей не ломать и не отрицать свою российскую идентичность, а использовать ее для карьерного роста и финансовой независимости в Греции (хотя она и ставит израильскую программу репатриации выше греческой). Ее греческая идентичность не этническая, а гражданская; Анна по-прежнему этниче-

ски индифферентна, осуждает греческий национализм, а быть гречанкой для нее – значит иметь полные гражданские права.

Ирина не стремится рассказывать о своих первых годах жизни в Греции. Из ее разрозненных фраз и случайных воспоминаний можно установить, что по приезде в Грецию у нее отобрали паспорт. Ее будущий (второй) муж Танос, решив взять ее в жены, долго пытался найти «этих плохих людей», которые отобрали у Ирины паспорт. Наконец он нашел их и выкупил паспорт за 300 евро. Затем он добился того, чтобы она получила новую греческую визу, хотя ее первая виза была давно просрочена. Получив новую визу, Ирина отправилась в Россию, чтобы развестись со своим первым мужем. Прибыв в свой хутор, она выяснила, что ее муж повторно находится в тюрьме уже за новое преступление; это облегчило ей бракоразводный процесс. Получив свидетельство о разводе, Ирина забрала сына и отправилась в Грецию, где вышла замуж за Таноса в одной из пелопонесских деревень.

Танос познакомился с Ириной в Патре, в ночном клубе, где она в то время работала. Он происходит из сельской семьи, его родители владеют большими участками земли, которые используют в качестве полей, огородов, бахчей и животноводческих ферм. Значительная часть их земель представляет собой старые оливковые рощи. Вся его семья (родители Таноса, его тетя и сам Танос как старший сын) проживает вместе, в одном домовладении в деревне, расположенной на равнине между Патрой и Пиргосом. Брат и сестра Таноса к моменту их с Ириной свадьбы уже проживали отдельно от родителей. Все в семье Таноса знали о том, что Ирина русская, и относились к ней с теплотой. Такое отношение объясняется тем, что эта семья разделяет общегреческий дискурс доброжелательного отношения к России и русским. Но кроме этого дискурса была еще одна частная семейная причина такого отношения. Дед Таноса купил большую часть своей земли, в основном оливковые рощи, у русского эмигранта, который знал о весьма ограниченных финансовых ресурсах семьи деда Таноса и поэтому продал ему землю по очень низкой цене.

Ирина и Танос поженились в 1996 г., через три с половиной года после того, как Ирина впервые приехала в Грецию.

Для Ирины первый период жизни в Греции так же связан с негативным опытом и так же остается в тени ее нынешних успехов, как и российский период ее жизни. Подробности начинаются с появления в ее рассказах Таноса. Благополучное вхождение в семью Таноса для Ирины было обусловлено ее небольшим аграрным капиталом, но самое главное – тем, что она стремилась к полной апроприации греческой идентичности (подробнее – ниже). Важно отметить, что ее этнический

капитал, ее русскость по-прежнему ни в какой форме не манифестируются Ириной. Возвращение в Россию, связанное с получением новой визы, необходимо лишь для того, чтобы иметь возможность выйти замуж и забрать с собой в Грецию старшего сына. Ирина не думает о возвращении и связывает свое будущее только с Грецией. И ее идентичность начинает конструироваться как греческая идентичность.

Быть или не быть гречанкой

Когда Анна уже более двух лет проработала в крупной афинской аптеке, она познакомилась с нашим общим другом Антониосом, который порекомендовал ее своему знакомому Одиссеусу, владельцу финансовой компании. Анна получила руководящую позицию в этой компании с большой зарплатой и стала экономистом. Кроме того, она закончила университетский курс по экономике без отрыва от производства. Дружба с Антониосом и начало работы в финансовой компании ознаменовали новый период в жизни Анны. Можно сказать, что в этот период ее идентичность, основанная на дискурсах интеллигентности, независимости и полноправия, формируется окончательно в ее греческой ипостаси. Антониос выступал в качестве ее рекомендателя не только в финансовую компанию, но и в российское посольство, в различные организации, и государственные, и неправительственные, вовлеченные в международные отношения Греции и России¹⁰.

Итак, Анна сменила не только свою профессию, но также и технику апроприации: в ходе первых двух этапов ее миграционной истории она не стремилась заводить знакомства с выходцами из России и строила свои социальные сети на основе взаимодействий с местными жителями. Однако с момента знакомства с Антониосом ее социальные сети значительно расширились благодаря новым контактам в сфере российско-греческих международных отношений. Используя терминологию П. Бурдьё (Bourdieu 1986), можно сказать, что она инвестирует, с одной стороны, свое двуязычие, с другой – символический капитал, сформированный в российском и греческом образовательных полях, в новые для нее поля – культуральное¹¹, экономическое¹², политическое¹³ и даже научное¹⁴.

После четырех лет работы на финансовую компанию Анна стала жертвой интриг своих коллег, внимательно следивших за развитием ее карьеры, и владелец компании вынужден был ее уволить. Оказавшись безработной, Анна ушла с арендуемой квартиры. Она решила больше не снимать жилье и купила квартиру в одном из афинских районов. Примерно через полгода она нашла работу страхового агента в известной в Европе медицинской страховой компании. Ей нравится ее новая работа, поскольку она удовлетворяет ее потребность в независимости в

большей степени, чем предыдущие. Кроме того, она продолжает сотрудничать с различными российско-греческими организациями.

В социальной перспективе Анна подчеркивает свою интеллигентность, выводя ее из семьи и образования. В этнической перспективе она позиционирует себя как гречанка, хотя обычно использует этот термин в смысле гражданства. Она говорит о греческих греках в основном в третьем лице, а о русских и русско-понтийцах¹⁵ – используя местоимение «мы». Анна критически настроена к греческому национализму, социальные параметры персоны всегда для нее важнее, чем этнические (как при описании ею дискриминации на школьных парадах, опубликованном в: Manuylov 2015: 145–146). Она редко касается вопросов этничности и формулирует свою идентичность, как уже отмечено, используя концепты интеллигентности, независимости и полноправия. То есть этническая идентичность для нее – лишь инструмент, позволивший ей стать полноправной в чужой стране и реализовать свою идентичность интеллигентной и независимой женщины. Анна сохраняет некоторую дистанцию от господствующих в греческом обществе националистических дискурсов, демонстрируя тем самым свою независимость и критикуя эти дискурсы с интеллектуальной точки зрения. Очень важным для нее является возможность отстаивания своих прав как полноправного члена греческого общества в ситуациях, когда она подвергается негативной стигматизации как иностранка, не-гречанка¹⁶.

Она голосует за кандидатов от маленьких партий, которые никогда не были у власти в Греции, но чьи программы соответствуют параметрам ее идентичности, например за Зеленую партию; она убеждает своих коллег по финансовой компании, что все языки и этничности равны и склоняет их нанять специалиста по русскому языку, чтобы общаться в офисе между собой по-русски. Конечно, эти ее действия и спонтанные акции могли быть реализованы только в крупном городе, таком как Афины или Фессалоники; трудно сказать, как на них отреагировало бы сельское сообщество, например то, в котором живет Ирина. Анна безразлична к религии и церкви, хотя и была крещена в России после рождения.

При анализе истории миграции Анны возможно отметить, что идея карьеры имеет для нее важное значение, и ее биография, выстроенная ретроспективно, представляет историю развития карьеры. Ее независимость обусловлена карьерой, и наоборот, т.е. независимость и карьера формируют один и тот же семантический фрейм в ее идентичности.

Брак Ирины и Таноса был зарегистрирован в деревенской церкви в 1996 г. Ирина родила еще восемь детей (таким образом, всего у нее было шесть мальчиков и три девочки; самому старшему на момент нашего знакомства исполнилось восемнадцать, самой младшей дочери было три года). Ирина много говорила о Церкви и Боге, хотя в период своей

жизни в России церковь она не посещала. Все ее дети крещены. Их имена выбраны по местным правилам в честь старших родственников ее мужа, за исключением двух сыновей: старшего, который получил свое имя еще в России, и одного из совместных с Таносом детей, который был назван в связи с клятвой, данной Ириной Пресвятой Богородице. К моменту нашего знакомства Ирина говорила по-русски с небольшим акцентом, подолгу вспоминая некоторые слова. Ни один из ее детей не говорит по-русски, включая старшего.

Ирина старается себя вести «как греческая женщина», полностью разделяя все семейные практики и дискурсы. Например, она негативно отреагировала вместе со всей остальной семьей на решение младшего брата Таноса жениться на девушке албанского происхождения. Ее стремление «быть гречанкой» выражается в том, что она полностью поддерживает практики, связанные со статусом невестки: одевается как сельская замужняя женщина, предпочитая темные цвета, готовит на всю семью еду, как повседневную «простую деревенскую пищу», так и праздничные блюда, за исключением хлеба, который печет свекровь Ирины каждую неделю (см. рис. 1), и т.д.

Рис. 1. Свекровь Ирины за выпечкой хлеба

Обычно Ирина говорит о греках, используя местоимение «мы». Ее русско-понтийские друзья считают, что она говорит по-гречески лучше, чем они, как «натуральная гречанка». Она никогда не стремилась к независимости. Ее стиль жизни устраивает ее полностью. Она испытывает большое уважение к своему мужу, по крайней мере, я никогда не наблюдал какого-либо неуважения с ее стороны по отношению к Таносу. Она также с неподдельным уважением говорит о родственниках мужа (исключая жену деверя албанского происхождения). Она посещает Россию раз в два-три года, но основной причиной ее поездок является вопрос недвижимости. После отъезда Ирины из России ее мать и брат умерли. Их домовладения стали предметом длительного спора между Ириной и ее сестрой. Ирина старается ездить в Россию без детей, но иногда вынуждена брать с собой самых младших.

Рис. 2. Семья Ирины в День имени ее свекра

Как уже было сказано, Ирина предпочитает хранить молчание о своей семье в России, и, на первый взгляд, этот режим тайны может быть охарактеризован ситуацией «не-идентичности» (non-identity), как это сформулировал один из информантов Шнайдера (Schneider 2006: 168). Однако я бы отметил, что режим тайны в сочетании с негативностью формирует определенный дискурс об идентичности, который служит референтом-антитезисом в поисках Ириной счастливой жизни. В этом

смысле почет и уважение, которые демонстрирует Ирина по отношению к родителям мужа, определяются не столько апроприацией греческости, сколько прямым воздействием дискурса о российской семье Ирины. Например, Ирина, имея в виду свою российскую семью как негативную модель, является инициатором запрета на употребление алкоголя, включая пиво, в ее греческой семье, и на мою семью также распространился этот запрет. Объясняет она это своим нежеланием того, чтобы ее дети стали алкоголиками. При этом она совершенно безразлична к тому, что взрослые члены ее семьи выпивают где-нибудь в таверне или в гостях. Интересно, что даже на праздновании Дня имени ее свекра на столе не было алкогольных напитков (рис. 2).

Тот факт, что Ирина имеет опыт жизни в России и именно в российском селе, сыграл позитивную роль в процессе ее принятия в греческую семью, также сельскую. То есть ее идентичность была сформирована на уровне дискурсов как анти-идентичность (о не-идентичности все же не стоит говорить), а на уровне практик она имела идентичность сельского жителя.

В идентичности Ирины за годы жизни в Греции произошли существенные изменения. Ее негативный российский опыт подтолкнул к интенсивной апроприации греческости, в результате чего Ирина стала уважаемой женщиной не только в семье, но и в деревне. Греческая идентичность включает в себя и религиозность. Ирина становится верующей христианкой, она регулярно посещает местную церковь, ежегодно с Таносом они совершают паломничества в различные святые места Греции. Незадолго до нашего приезда они совершили такое паломничество на один из островов, откуда специально для нас привезли местную икону, написанную на камне. Ирина много рассказывала о своей благотворительной деятельности, связанной с церковью. Отрицая российский опыт, Ирина рушит свою российскую семью ради создания семьи греческой. Я не имею возможности излагать здесь множество деталей моих наблюдений, но выразить их можно было бы так: Ирина сейчас в большей степени гречанка, чем ее греческие родственники. И все это – результат интенсивной апроприации греческих практик и дискурсов.

Сравнивая варианты апроприации греческой идентичности

Даже представленные в очень кратком виде эти женские истории выражают две тенденции, которые, в соответствии с изложенным выше обсуждением, могут быть охарактеризованы как две техники апроприации. Объект апроприации в нашем случае – это «греческость», т.е. комплекс практик и дискурсов, свойственных определенным местным сообществам, а также новогреческий язык, являющийся одновременно и объектом, и инструментом.

При сравнении двух историй и двух техник апроприации становится очевидным, что техника Ирины выражается в «полной» или «максимально возможной» апроприации греческости, в то время как Анна строит карьеру. Другими словами, Анна создает для себя нечто новое, воспринимая греческость как контекст и инструмент, но не как желаемый результат, которым она хотела бы обладать или стать. В этом смысле ее техника может быть определена, следуя Санси (Sansi 2008), как ре-апроприация. Анна создает собственный мир своей греческости на основе не-этнической идентичности, на основе интеллигентности, сочетающейся с персональной независимостью и греческим гражданством как главными дискурсами ее идентичности. Также важно и то, что Ирина мигрировала из деревни в деревню, а Анна – из города в город. Это еще раз подтверждает мой аргумент о том, что различные техники апроприации зависят от опыта, предшествующего миграции.

Иными словами, Ирина обрела греческую идентичность, она стала уважаемой греческой сельской женщиной, стоящей на страже местных практик и дискурсов. Анна, апроприируя греческую идентичность, восстановила ту позицию, которую занимала в России, а затем, через ре-апроприацию, двинулась дальше. При этом движение понимается ею как карьерный рост и обретение полноправия с возможностью критического интеллектуализма. Ее нынешняя идентичность – греческая, но основана она на прежней российской и могла бы стать израильской или какой-либо другой. Такого рода идентичность можно назвать глобальной, поскольку ее возможность обеспечивается сходством одних и тех же социальных полей в разных государствах и возможностью переноса символического капитала через границы.

Примечания

¹ См. подробный разбор концепта «идентичность» в: Manuylov 2015.

² Эти полевые исследования были бы невозможны без финансовой поддержки L. Meltzers Høyskolefond, Samfunnsvitenskapelige fakultet (Universitetet i Bergen) и Institutt for sosialantropologi (Universitetet i Bergen).

³ В настоящей статье я не рассматриваю весь спектр использования термина «апроприация» в русском, английском, романских языках. Происходит он от латинского *appropriare* – «присваивать, усваивать, делать своим собственным» (Ананьев, Яснецкий, Лебединский 1862: 78; Buttrill 1998 [1850]: 83; Lewis, Short 1879: 144). Наиболее широко данный термин сейчас используется в поле права, а также в таких дисциплинах, как правоведение и история права, в поле искусства и в поле экономики. Шнайдер, обсуждая возможность использования апроприации в антропологии, показывает, что значение этого термина следует вести от герменевтической трактовки Рикёра, где на апроприации основан процесс понимания, другие же значения следует оставить в стороне (Schneider 2006: 26, 199).

⁴ «Мы [экс-советские греки] уезжаем в Грецию целыми семьями в основном. Некоторые [семьи] сначала отправляют в Грецию разведчиков, одного-двух, другие семьи едут все вместе», – рассказывал мне мой афинский приятель, приехавший в Грецию из Абхазии.

⁵ В упомянутых здесь случаях формальное право собственности, подтвержденное государством, является лишь «символическим правом» для членов семьи, которые, в соответствии с общеправовыми представлениями, могут рассматривать это право как совместное или разделяемое, где семья, а не отдельный член семьи, на которого что-либо оформлено официально (бизнес, вклад, недвижимость), выступает в качестве «настоящего» коллективного владельца (см., например, случай Владимира, описанный в: Manuylov 2015: 92). Разумеется, в ситуации раздела собственности возможны два сценария: деление по обычному праву и деление по официальному праву (в спорных случаях).

⁶ По моим интервью с Николаосом Ф., 41 год, Афины, Греция, 2009; Александром В., 56 лет, Афины, Греция, 2009; Филиппосом С., 57 лет, Пиргос, Греция, 2009.

⁷ Как заметила Эфтихия Вутира о семьях греческих мигрантов из бывшего СССР, «чем больше вы делитесь, тем больше шансов выжить» (Voutira 2006: 387).

⁸ Интересно, что и Анна, и многие греки-репатрианты говорят об обретаемом ими гражданстве как о «европейском», то же касается и «европейского» паспорта; т.е. они избегают этнических маркеров «греческий паспорт», «греческое гражданство».

⁹ По полевым материалам, записанным в 2009–2011 гг. в Афинах, Фессалониках, Александруполисе, Камена Вурла и других местах.

¹⁰ Финансовая компания, где работала Анна, была связана с Россией не только коммерчески. Ее владелец, Одиссеус, миллионер и коммунист, происходит из сельской греческой семьи, поддержавшей коммунистов в годы Гражданской войны в Греции. Отец Одиссеуса провел за решеткой 15 лет (см. о политических репрессиях после Гражданской войны в Греции в работе: Voglis 2000); Одиссеус в это время проживал в СССР, где он получил образование и защитил докторскую диссертацию по медицине. Его финансовая компания зарегистрирована в Великобритании.

¹¹ Как организатор она участвовала в различных «культурных» мероприятиях российского посольства и консульств.

¹² Здесь я имею в виду ее деятельность в финансовой компании по заключению сделок между этой компанией и российскими организациями.

¹³ Я имею в виду ее работу переводчиком в комиссиях по заключению международных договоров.

¹⁴ Она являлась участником неправительственной российско-греческой исследовательской организации.

¹⁵ Термин «*понтийцы*» является общим, мобилизующим наименованием для греков-мигрантов из постсоветских стран в Грецию, однако некоторые группы мигрировавших греков предпочитают пользоваться другими терминами, обозначающими их идентичности (см. о термине «*понтийцы*»: Улунян 1991; Popov 2003; Voutira 2011; Manuylov 2015).

¹⁶ Один из примеров: однажды Анна, стоя в очереди в супермаркете, беседовала порусски со своей гостьей из России. Когда подошла ее очередь, «кассир начала разговаривать со своей коллегой и долгое время нас полностью игнорировала». Анна пыталась привлечь ее внимание, но в ответ услышала «ее хамское замечание в духе “вас никто в Грецию не звал”». Анна потребовала пригласить ее менеджера, и женщина, с которой до этого разговаривала кассир, представилась как менеджер смены и посоветовала Анне обратиться в полицию, если она чувствует себя оскорбленной. Анна оплатила покупки, проводила свою гостью до машины, затем вернулась к кассиру, заявила ей о том, что она греческая гражданка и не собирается терпеть оскорбления. Она выяснила имена обеих женщин, участниц конфликта, и объявила им, что она собирается написать заявления в полицию и в суд с требованием их увольнения. После этого кассир извинилась за свои слова и попросила Анну не ходить в полицию. Анна ответила: «Я подумаю». Она не сообщила о происшествии в полицию, зная, как трудно в Греции получить работу кассира в супермаркете. В наших с Анной беседах мне неоднократно приходилось слышать от нее подобные истории, основной идеей которых было отстаивание своих прав как греческой гражданки.

Литература

- Ананьев А.Т., Яснецкий И.С., Лебединский И.И.. Полный латинский словарь, составленный по современным латинским словарям. М.: В Типографии Каткова и К., 1862. VII, 910 с.
- Улуниян Ар. Полемика по проблемам языка советских греков в межвоенный период в СССР // *Etudes balkaniques*. 1991. No. 2. P. 11–24.
- Bourdieu P. The forms of capital // Richardson J.G. (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood, 1986. P. 241–258.
- Burrill A.M. *A New Law Dictionary and Glossary: Containing Full Description of the Principal Terms of the Common and Civil Law, Together with Translations and Explanations of the Various Technical Phrases in Different Languages, Occurring in the Ancient and Modern Reports, and Standard Treaties; Embracing Also the Principal Common and Civil Law Maxims*, P. I. Union, N.J.: The Lawbook Exchange, Ltd., 1998 [1850]. Vol. 4. 1099 p.
- Coleman E.B. *Aboriginal Art, Identity and Appropriation*. Aldershot; Burlington: Ashgate, 2005 (Anthropology and cultural history in Asia and the Indo-Pacific). XVII. 188 p.
- Foucault M. *Histoire de la sexualité, 1 : La volonté de savoir*. Paris: Gallimard, 1976. 213 p.
- Lattas A. *Cultures of Secrecy: Reinventing Race in Bush Kalai Cargo Cults*. Madison: The University of Wisconsin Press, 1998. XLIX. 365 p. (New Directions in Anthropological Writing).
- Lewis C.T., *Short Ch.* *A Latin Dictionary Founded on Andrew's Edition of Freund's Latin Dictionary, Revised, Enlarged, and in Great Part Rewritten*. Oxford: At the Clarendon Press, 1879. XIV. 2019 p.
- Manuylov A. *Russian Greeks / Greek Russian: Parameters of Identity*: PhD thesis. Bergen: University of Bergen, 2015. 208 p.
- Morokvasic M. 'Settled in Mobility': Engendering Post-Wall Migration in Europe // *Feminist Review*. 2004. No. 77. P. 7–25.
- Popov A. Becoming Pontic: «Post-Socialist» Identities, «Transnational» Geography, and the «Native» Land of the Caucasian Greeks // *Ab Imperio*. 2003. No. 2. P. 339–360.
- Ricoeur P. *Hermeneutics and the Human Sciences: Essays on Language, Action and Interpretation* / Ed. and transl. by John B. Thompson. Cambridge: Cambridge University Press, 2016 [1981]. 267 p.
- Sansi R. *Fetishes and Monuments: Afro-Brazilian Art and Culture in the Twentieth Century*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2007. X. 213 p. (Remapping Cultural History, Vol. 6).
- Schneider A. *Appropriation as Practice: Art and Identity in Argentina*. New York: Palgrave Macmillan, 2006. XVI. 230 p. (Studies of the Americas, ser.).
- Thomas N. *Entangled Objects: Exchange, Material Culture, and Colonialism in the Pacific*. Boston: Harvard University Press, 1991. XV. 259 p.
- Voglis P. Between Negation and Self-Negation: Political Prisoners in Greece, 1945–1950 // Mazover M. (ed.) *After the War Was Over: Reconstructing the Family, Nation, and State in Greece, 1943–1960*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2000. P. 73–90.
- Voutira E. Ethnic Greeks from the Former Soviet Union as «Privileged Return Migrants» // *Espace, Populations, Sociétés*. 2004. No. 3. P. 533–544.
- Voutira E. Post-Soviet Diaspora Politics: The Case of the Soviet Greeks // *Journal of Modern Greek Studies*. 2006. No. 24. P. 379–414.
- Voutira E. The 'Right to Return' and the meaning of 'Home': A post-Soviet Greek diaspora becoming European? Zürich; Münster: Lit, 2011. XI. 367 p. (Balkan Border Crossings – Contributions to Balkan Ethnography, Bd. 2).
- Young J.O. *Cultural Appropriation and the Arts*. Singapore: Wiley-Blackwell, 2010. XIV. 168 p. (New Directions in Aesthetics).

Manuylov Alexander N.

THE APPROPRIATION OF DISCOURSES AND PRACTICES: FEMALE MIGRATION FROM RUSSIA TO GREECE IN THE 1990S AND THE 2000S

Abstract. The article examines transformations in identities of women as a result of their migration from Russia to Greece and appropriation of Greekness. The concept of appropriation is advocated as a key idea of analysis and interpretation of migrants' experiences. The author's position regarding the relevancy of the concept of appropriation is based upon Paul Ricoeur's understanding of the process of interpretation and some contemporary anthropological works. The results of the author's fieldwork in Greece are presented in the article which is concentrated on two life stories. These life stories are juxtaposed so as to compare different techniques of appropriation. The discussion provides evidence of ways in which identities can be manifested and changed during the process of appropriation. The argument is that the appropriation of Greekness may take place (and be used) in contrasting ways, the causes of which are rooted in pre-emigration experience. The author concludes that one case demonstrates how rural Greek identity was successfully appropriated and the other case shows how the process of appropriation and re-appropriation of urban Greekness resulted in construction of global identity.

Keywords: appropriation, re-appropriation, identity, migration, Greece, Russia

DOI: 10.17223/2312461X/16/7

References

- Anan'ev, Iasnetskii, Lebedinskii. *Polnyi latinskii slovar', sostavlennyi po sovremennym latinskim slovariam* [The Complete Latin dictionary based on modern Latin dictionaries]. Moscow: V Tipografii Katkova i K., 1862. vii, 910 p.
- Ulunian, Ar. Polemika po problemam iazyka sovetskikh grekov v mezhoennyi period v SSSR [Debates over the Soviet Greeks' language issues in the USSR in the interwar period], *Etudes balkaniques*, 1991, no. 2, pp. 11-24.
- Bourdieu, Pierre. The forms of capital, *Richardson, John G. (ed.) Handbook of Theory and Re-search for the Sociology of Education*. New York: Greenwood, 1986. pp. 241-258.
- Burrill, Alexander M. *A New Law Dictionary and Glossary: Containing Full Description of the Principal Terms of the Common and Civil Law, Together with Translations and Explanations of the Various Technical Phrases in Different Languages, Occurring in the Ancient and Modern Reports, and Standard Treatises; Embracing Also the Principal Common and Civil Law Max-ims*, P. I. Union, N.J.: The Lawbook Exchange, Ltd., 1998 [1850]. (4), 1099 p.
- Coleman, Elizabeth Burns. *Aboriginal Art, Identity and Appropriation*. Aldershot; Burlington: Ashgate, 2005 (Anthropology and cultural history in Asia and the Indo-Pacific). xvii, 188 p.
- Foucault, Michel. *Histoire de la sexualité, 1: La volonté de savoir*. Paris: Gallimard, 1976. 213 p.
- Lattas, Andrew. *Cultures of Secrecy: Reinventing Race in Bush Kalai Cargo Cults*. Madison: The University of Wisconsin Press, 1998 (New Directions in Anthropological Writing). xlix, 365 p.
- Lewis, Charlton T., Charles Short. *A Latin Dictionary Founded on Andrew's Edition of Freund's Latin Dictionary, Revised, Enlarged, and in Great Part Rewritten*. Oxford: At the Clarendon Press, 1879. xiv, 2019 p.
- Manuylov, Alexander. *Russian Greeks / Greek Russian: Parameters of Identity*. Bergen: University of Bergen, 2015 (PhD thesis). 208 p.

- Morokvasic, Mirjana. 'Settled in Mobility': Engendering Post-Wall Migration in Europe, *Feminist Review*, 2004, no. 77, pp. 7-25.
- Popov, Anton. Becoming Pontic: "Post-Socialist" Identities, "Transnational" Geography, and the "Native" Land of the Caucasian Greeks, *Ab Imperio*, 2003, no. 2, pp. 339-360.
- Ricoeur, Paul. *Hermeneutics and the Human Sciences: Essays on Language, Action and Interpretation* (ed. and transl. by John B. Thompson). Cambridge: Cambridge University Press, 2016 [1981]. 267 p.
- Sansi, Roger. *Fetishes and Monuments: Afro-Brazilian Art and Culture in the Twentieth Century*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2007 (Remapping Cultural History, Vol. 6). x, 213 p.
- Schneider, Arnd. *Appropriation as Practice: Art and Identity in Argentina*. New York: Palgrave Macmillan, 2006 (Studies of the Americas, ser.). xvi, 230 p.
- Thomas, Nicholas. *Entangled Objects: Exchange, Material Culture, and Colonialism in the Pacific*. Boston: Harvard University Press, 1991. xv, 259 p.
- Voglis, Polymeris. Between Negation and Self-Negation: Political Prisoners in Greece, 1945–1950, *Mazover, Mark (ed.) After the War Was Over: Reconstructing the Family, Nation, and State in Greece, 1943–1960*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2000, pp. 73–90.
- Voutira, Eftihia. Ethnic Greeks from the Former Soviet Union as "Privileged Return Migrants", *Espace, Populations, Sociétés*, 2004, no. 3, pp. 533-544.
- Voutira, Eftihia. Post-Soviet Diaspora Politics: The Case of the Soviet Greeks, *Journal of Modern Greek Studies*, 2006, no. 24, pp. 379-414.
- Voutira, Eftihia. *The 'Right to Return' and the meaning of 'Home': A post-Soviet Greek diaspora becoming European?* Zürich; Münster: Lit, 2011 (Balkan Border Crossings – Contributions to Balkan Ethnography, Bd. 2). xi, 367 p.
- Young, James O. *Cultural Appropriation and the Arts*. Singapore: Wiley-Blackwell, 2010 (New Directions in Aesthetics). xiv, 168 p.